

ПРАВО КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Начиная с времен древнего Китая и Месопотамии, постепенно и почти незаметно секуляризовалась легитимизация земной власти, и также постепенно введение в силу законов царями и королями превратилось в открытое и свободное проявление намерений и воли людей.¹ Таким образом появилась новая и революционная идея о человеческой способности создать новый порядок, а затем и искусственно спланированное и улучшенное общество. При следовании этому курсу, как подходящей и осуществимой программе действий, появилось желание социальных реформ и полное обновление идеалов. За этим последовали более смелые и рискованные желания, включая бескомпромиссное и прямое внедрение реформистских идей в неких новых институциональных рамках и при новой организации, в которой интеллектуалы уже могли предвидеть общую перестройку человеческой жизни, как главного актива.

А после того, как традиционная – феодальная – идея признания (восстановления или возрождения) исключительно того, что может быть названо «старым добрым правом», в конце концов была оставлена в прошлом,² само право обрело способность становиться запускающим инструментом и средством принуждения и навязывания таких новых идеалов.³ Вся эта сложность человеческого «самоосвобождения», предварительно изобретенная и выкованная в эпоху Просвещения и Великой французской революции, в конце концов достигла апогея в идее социальной инженерии, четко и ясно сформулированной столетие назад,⁴ и в программе изменения (на самом деле переключения) всего набора людских верований, как

¹ См. Мишель Вилей «Подъем и упадок юридического волюнтаризма» *Архивы философии права* 3: Роль воли в праве (Париж: Sirey 1979), сс. 87–136.

² Об идее „gutes, altes Recht“ см. Фриц Керн *Монархия и право в Средние века I: Божественное право королей и право на сопротивление в раннем Средневековье / II: Право и конституция в Средние века, исследования*; перевод С.Б. Чраймса (Оксфорд: Basil Blackwell 1939) xxxi + 214 сс. [Исследования по средневековой истории 4].

³ Идея реформирования общества по закону восходит к иудейской эсхатологической мысли по мнению А. Лео Оппенхайма, представленному в книге *Древняя Месопотамия. Портрет мертвой цивилизации* [1964], пересмотренное и исправленное изд. (Чикаго: Издательство Чикагского университета 1977) ix + 433 сс.

⁴ См. Питер Свирски *Американская утопия и социальная инженерия в литературе, общественной мысли и политической истории* (Нью-Йорк: Routledge 2011) xiii + 255 сс. [Издательство Routledge: Транснациональные перспективы американской литературы 15].

подчеркивается в наши дни.⁵ Это не может не основываться на правовом волюнтаризме, открыто признанном в новые времена, выражающим конечный этап развития и окончательную победу человеческой способности к рационализму. И это продолжается и в наши дни, поскольку уровень, способный увенчать стремление людей к самосознанию, о котором давно мечтали, что казалось оправданным достижениями западной цивилизации благодаря прогрессу евроатлантической культуры, мог показаться материализовавшимся в успехах науки.

Можно также встретить и другой вид возрождения или оживления, усиливающий вышесказанное, или контролирующий, или взаимодействующий путем обратной связи, или опять же действующий как сила торможения, или противоположный полюс, возможно, даже как простой провокационный импульс или противоположный импульс, побуждающий к действиям. И это возрождение тоже будет новой кровью, но с неизменной природой, напоминающей критически деструктивную силу Просвещения. Это идеология закона природы и естественных прав, которые в последний раз возрождались в Западной Европе после Второй мировой войны. Однако за это время та идеология превратилась в перерожденную форму прав человека, зафиксированных в международных документах, принятых по всему миру и также сопровождающихся механизмами принуждения,⁶ потому что может

⁵ Госсекретарь США, которая проталкивала агрессивный интервенционизм в обертке «экспорта демократии», а затем была кандидатом на пост Президента США, одной из первых открыто сказала (в ее случае, когда она выступала в поддержку абортотворцев): «Глубоко укоренившиеся культурные коды, религиозные убеждения и структурные предубеждения нужно менять». Хилари Клинтон на саммите «Женщины в мире» (Нью-Йорк, апрель 2015 года) <<http://www.nationalreview.com/article/417448/hillary-clinton-religious-beliefs-have-be-changed-accommodate-abortion-joel-gehrke>>. Она долго трудилась ради принятия однополых браков, эвтаназии и подобных вещей американским обществом, и пыталась спровоцировать выступления в США, а именно какую-нибудь разрушительную «Католическую весну», похожую на дестабилизацию времен «Арабской весны», только у себя в стране, когда фактически все делалось в угоду американским интересам среди общего беспорядка. Но здесь «посев семян революции» был нацелен против «отсталых» ценностей, связанных с церковью, которая, как утверждалось, остается «средневековой диктатурой». См. Марк А. Тиессен «Хилари Клинтон как угроза религиозной свободе» (13 октября 2016 года) по адресу <https://www.washingtonpost.com/opinions/hillary-clinton-is-a-threat-to-religious-liberty/2016/10/13/878cdc36-9150-11e6-86a3-d50061aa9fae_story.html>, со ссылками на переписку сотрудников в 2012 году, которая стала известна благодаря WikiLeaks. Как позднее высказался один высокопоставленный священник, «в этом мире существуют три группы людей: те, кто верит в Бога, те, кто не верит в Бога, и те, кто считает себя богами. Я думаю, что Хилари Клинтон – одна из тех, кто считает себя богом». <<http://aleteia.org/2015/04/29/nigerian-bishop-hillary-clintons-remarks-about-religious-beliefs-show-she-thinks-she-is-a-god/3/#sthash.nAHJ2zBl.dpuf>>.

⁶ См. Чаба Варга [Csaba Varga] «Природа прав человека» в его книге *Загадка права и правового мышления*. Избранные произведения; Сост. и науч. ред. М. В. Антонов (Санкт-Петербург: Издательский Дом «Алеф-Пресс» 2015), 224–230. По мнению Шаннона Холзера, высказанному в работе «Как либералы злоупотребляют языком» <https://www.academia.edu/30204590/How_Liberals_Abuse_Language?auto=download&campaign=weekly_digest>, подобное требование является просто игрой слов. В то время как закон природы требует глубокой сути вещей, практика применения прав человека живет только с номинальными новыми определениями, когда словам даются новые значения «в попытке создать реальность с помощью языка». И таким образом «Права [...] оказываются тем, что левые пытаются навязать другим и заставить принять».

появиться многоплановость, человеческие намерения могут быть ограничены, но зафиксированные права человека могут служить и критерием, и целевым ориентиром. Однако при этом идеология прав человека дегенерировала, выступая в качестве конечного этапа самоосвобождения человека и распространенная на каждого человека на личностном уровне. Она дегенерировала со своей более ранней позиции защитника человеческого субъекта, когда излишняя государственная власть могла слишком сильно давить, в простое средство, с помощью которого общество может (и не время от времени, а на самом деле тщательно) быть раздроблено растущей эксклюзивностью правового языка, без какой-либо уравнивающей службы, которую можно было бы предложить или обустроить от имени привилегированной части этого общества.

Все это – дело рук человеческих, полностью искусственное, нацеленное на получение преимуществ и привилегий, более того, максимизацию прибыли, которая практически доступна. Как известно из *«Немецкой идеологии»* Маркса и Энгельса среди прочих работ, борьбе за социальные преобразования присущ один компонент, а именно влияние на генерирование идей, и не только в частности, тем же росчерком пера они обобщаются и оказываются на уровне человеческой универсальности, которая только может быть придумана. Простые человеческие, иногда личные соображения таким образом поднимаются до очевидно абсолютной ценности, на какое-то время становятся неоспариваемыми. Их знают как бескомпромиссные и применяются они только целиком.⁷

По сути, борьба за права человека, практикуемая на земном шаре, в настоящее время требует прав, которые ни больше ни меньше являются олицетворением неприкрытых желаний некоторых акторов (элит, меньшинств или других): свободные требования – требования, предъявляемые к другим, или что-то получаемое за счет других, потому что природа сделок в нашем мире

⁷ Представление классического варианта развития см. в: Карл Маркс и Фридрих Энгельс *Die deutsche Ideologie* [1846] <http://www.mlwerke.de/me/me03/me03_009.htm>.

такова, что за все, получаемое на нашей Земле, нужно платить. Если говорить с точки зрения онтологии, то борьба за права человека – это только нормативная риторика, используемая, чтобы социальная среда вначале приняла, а затем насадила эти ожидания. Сам по себе список «прав человека», которые могут появиться, – кстати, уже показанных теми английскими консерваторами, которые критиковали заявления, сделанные французскими революционерами сто лет назад, – в принципе бесконечен и не ограничен: за каждым из них определенно последуют другие, по большей части превосходящие предыдущие, но иногда также вытесняющие устаревшие в этом никогда не заканчивающемся процессе.

Учитывая нынешний этап открыто политизированной идеологической борьбы, которая распространилась в современном мире, можно сказать, что всегда был и есть вызов и контраст с древней человеческой мудростью, которая всегда служила противоположным полюсом человеческим амбициям, подпитываемым верой в бесконечные возможности и способности, что обострялось и усугублялось в «революционные медовые месяцы», когда появляется чувство вечного человеческого утопизма, теперь еще оснащенное современными организационными техниками и подтвержденное, хотя и предположительно, различными временными победами, достигнутыми таким образом. Здесь я имею в виду, возможно, самую древнюю уверенность человечества,⁸ выраженную двойственным образом, присутствующую в корне всех известных идей в отношении права.

В частности, эта уверенность в первую очередь выражена в христианском символизме, как библейская основа нашей веры, и это вера в фигуральную силу Страшного суда. В нашем случае, если говорить о праве, это означает, что в определенное время об истинном весе и пользе всего, что сделал человек, или намеревался сделать, будет судить исключительно божественная власть на божественной территории. Затем, в свою очередь, это приводит к выводу, что

⁸ Хотя теология и посвящена освещению места, которое по плану зарезервировано для людей в божественной схеме, та же самая теология не может не быть сформулирована людьми, в то же самое время уходя корнями в человеческий опыт.

отправление правосудия, изобретенного, направляемого и осуществляемого людьми, может служить только одномоментным и эфемерным целям на этой Земле, просто для того, чтобы организовать мирские дела здесь и сейчас. В наследии римского права как воскрешенного на европейском континенте, идея *ius* [\approx правда] когда-то напоминала о божественном происхождении закона природы, как продукта сотворения мира и возникшего одновременно с ним. Однако в дальнейшем эта идея была сведена к простому понятию этого мира, явно человеческого, волевой манифестации или воплощению в реальность *lex* [\approx закона]. В отличие от этого порядка вещей, в традиции того же римского права, как ожившего в англо-саксонском мире, юристы осмелились индуктивно обрабатывать опыт, который они могли вытянуть из прошлого через повторение прецедентов, через дела, которые имели прецеденты, и судебные решения в таких делах. В подходе к делу наблюдаются параллели с восстановлением в некоторой степени классических иудейских и исламистских повторяющихся моделей и юридического мышления. Известно, что иудейские и исламистские законы священны и их форма считается теологически вдохновленной. Люди осознают их происхождение, и в них делается все, чтобы не доверять (и в особенности избегать слишком большой доверчивости) любым формам логики и концептуального формализма.⁹

Другое извечное выражение – это молитва, в которой звучит просьба о помощи от отчаяния, это первобытный крик о горе и печали: «И з г л у б и н ы в з ы в а ю к Т е б е , Г о с п о д и». ¹⁰ Это просто мука и боль, выросшие в сильнейший крик, в котором выражается желание получить облегчение. Он свидетельствует о данной судьбой врожденной слабости, более того, о непосредственном страдании и бессилии всего человеческого – то есть нас, как

⁹ См. Чаба Варга *Парадигмы правового мышления* [1999], расширенное 2-е изд. (Будапешт: Szent István Társulat 2012) 418 сс. [Philosophiae Iuris] & <<http://mek.oszk.hu/14600/14657/>> и Чаба Варга *Сравнительные правовые культуры. О классифицированных традициях, их сближении и передаче, и анархии гиперрационализма* (Будапешт: Szent István Társulat 2012) 253 сс. [Philosophiae Iuris] & <<http://mek.oszk.hu/15300/15386/>>.

¹⁰ Пс 130:1. См. Псалтирь на английском языке по адресу: <<https://www.kingjamesbibleonline.org/Psalms-130-1/>>, соответственно, на русском языке Псалом 130 по адресу: <<http://www.russianbible.net/Psa-130.html>>.

на самом деле падших людей – которые возлагают нашу единственную надежду на Бога, в трансцендентальной перспективе.

Не приходится сомневаться в том, что оба выражения оставили свои следы на основных устремлениях и путях, когда-либо известных в истории права и антропологических чертах любой правовой ментальности. Они даже сформировали и оформили метод или способ установления и закрепления законов, более того, в значительной степени построили основу системной или связанной с практикой последовательности чисто формальных единиц или образцов решений. Это в особенности подтверждается (1) стремлением правового органа к превосходству через конкуренцию и соперничество с имеющимися и появляющимися правовыми органами в институциональной борьбе (от имени закона, письменно зафиксированного в документах, действующего закона и закона в общественном сознании);¹¹ (2) усилиями по возобновлению судебных процессов благодаря институционализации апелляций, в результате уже вынесенные решения могут быть пересмотрены, и/или (3) тем, что после применения силы закона можно получить снисхождение; (4) обращением за помощью к другим процедурам параллельно, или путем обработки (интерпретации или применения) формального закона и внутренней логики другим образом, или просто используя другие стандарты для направления и контроля за процедурой принятия решений; и, наконец, последнее, но не менее важное, (5) в случае и примитивных законов прошлого, и усовершенствованных правовых систем сегодняшнего дня чередованием (если и не явным переключением) между неформализованными и формализованными тенденциями. Например, это столкновение между моделями, которые «делают закон приемлемым», то есть справедливым законом и суровым законом, как было классически показано уже в раннем иудаизме мудрецами Гиллелем и Шаммаем и в римском праве

¹¹ Поразительно, что при обзоре основных законных режимов, в настоящее время существующих в мире, Янос Яни в *Jogi kultúrák Ázsiában* [Правовые культуры в Азии] (Будапешт: Turotex 2016) 720 сс. [Panta] рассматривает исламизм не просто как мятеж против доминирования западной культуры, но также и борьбу новой силы за установление своей высшей власти.

прокулянцами и сабиньянцами.¹² Кстати, существуют вечные варианты правовых техник, которые сами по себе нейтральны, хотя и бросают вызов друг другу, если занимают позиции на разных полюсах. При упрощении искаженной сегодня, стерильной, иногда слишком политизированной теории права, такие альтернативные возможности используются для представления, как будто представляют диаметрально противоположные направления, например, при демократическом и недемократическом подходах. В конце концов, правовые механизмы постоянно сражаются, ведя борьбу в рамках системы, чтобы выбрать, определить и зафиксировать модель, которая – по крайней мере, на какое-то время – могла бы одержать победу.¹³ В любом случае, в человеческой борьбе, которая меняется в зависимости от ситуации, наш интерес привлекает не человеческая способность отвечать на вызовы, и не она нуждается в объяснении. Новым всегда бывает только контекст. Более того, также можно утверждать, что когда мы сражаемся явно обновленным оружием, на самом деле мы только по-новому ведем старые сражения.¹⁴ Потому что исполняющие роли актеры могут меняться каждый раз, но, несмотря на все это, остается все та же игра, которая была всегда.

Мы только видим, что борьба идет везде, и наш сегодняшний мир более фрагментарен, чем когда-либо раньше.

Самое важное, что нужно сейчас понять, – это то, что мы живем в довольно опасную эпоху. Сегодняшние Евы продолжают есть новые яблоки способом, который не изменился на протяжении долгого времени, а их Адамы, как и обычно, остаются в замешательстве. Самодовольство не изменилось, оно безгранично в настоящее время, и у нас фактически нет знаков, нет направляющих, чтобы найти выход.¹⁵

¹² Хаим Перельман «Законная онтология и законные рассуждения» *Обзор израильского права* 16 (июль 1981 года) 3, сс. 356–367.

¹³ См. работы, собранные в: *Сравнение правовых культур* под ред. Чабы Варги (Олдершот, Гонконг, Сингапур, Сидней: Дартмут и Нью-Йорк: Издательство Нью-Йоркского университета, 1992) xxiv + 614 сс. [Международная библиотека эссе по праву и теории права, о правовых культурах 1].

¹⁴ Давид Дизерхаус *Законность и допустимость*. Карл Шмит, Ганс Кельсен и Герман Геллер в Веймаре (Оxford: Clarendon Press 1997) xiv + 283 сс, а также Чаба Варга *Múltkutatás, jövőkeresés Közép-Európa jogában* [Исследования прошлого и поиск будущего в праве Центральной Европы (2015)] в его *Jogfilozófia a múlt, jelen és jövő ölelésében* (Будапешт: Pázmány Press 2018), с. 377 [Tanulmányok 44] & <<http://mek.oszk.hu/18900/18995/18995.pdf>>.

¹⁵ См., например, Роберт Нисбет *Поиск общности* (Сан-Франциско: ICS Press 1990), сс. 3–65.

Какие выводы можно сделать из того, что мы рассказали о природе и характеристиках права?

- 1) Сегодня и законно определенные псевдокритерии (такие как демократия и парламентаризм), и термины, считающиеся частью права (такие как законность и права человека) доминируют – или, если говорить об их реальном значении, господствуют или властвуют – в мире международной политики, и прочно вошли в ее базовую лексику. Сам по себе факт их использования как критериев является догадкой, хотя они и не подходят для оперативного использования, потому что не определены, а возможно и неопределенны, поскольку изначально относятся к способности формировать понятия и концепциям, охватывающим базовую ориентацию нашего общего и основного западного цивилизационного *идеала*.
- 2) При этом, как показывается в настоящей работе, защитная роль права, которое, в соответствии с широко распространенным мнением, считается таким же мощным, предсказуемым и контролируемым, как бастионы любой крепости, совсем не такая надежная. На самом деле право не дает гарантированной уверенности, потому что из-за самой своей природы, как было показано выше, оно не обеспечивает и не может обеспечить на самом деле предсказуемую поддержку и безопасность.
- 3) В соответствии с фундаментальными доказательствами, которые поддерживают общественные науки в своем нынешнем состоянии, любая политика основана на людях, которые явно социально обусловлены, являясь продуктом трех составляющих – социализации, образования и манипулирования с рождения и до последнего дня. На самом деле за фактическими общественными движениями, как и за законодательством, построенным с иерархическими барьерами, всегда стоит некий вид

«господствующей воли», работающей из какого-то центра и управляющей процессом в большей или меньшей степени как главная сила. Это фундаментальная сила, которая владеет всеми интерпретациями и возможными применениями. Другими словами, в отличие от профессиональной идеологии юристов в континентальной Европе, которые сосредотачивают внимание на позитивном (позитивированном) праве, которое берется воплощенным в форме текста, только англосаксонский подход может оказаться истинным и оправданным с точки зрения онтологии. В реальности бытие права как компонент социальной онтологии связано с его фактическим влиянием, и далеко не – или не исчерпывающе – с его позитивностью. В конечном счете общее влияние права не зависит от того, как оно преобладает или какую позицию занимает, или каким образом объявляет себя ценным правилом государства. Главная проблема – это то, каким образом право интерпретируется и применяется. Или, если вспомнить классическое высказывание, епископское толкование: «Епископ Хоадли сказал: “Тот, кто имеет *абсолютную власть* для *интерпретации* любых писаных или неписанных законов, на самом деле и является тем, кто устанавливает законы во всех смыслах и фактически, а не тот человек, который первым их написал или произнес”; *fortiori* (*тем более – фр.*), тот, кто имеет абсолютную власть не только интерпретировать закон, но и говорить, что есть закон, на самом деле является тем, кто устанавливает законы».¹⁶

- 4) Если вспомнить историю, то право никогда не существовало в пустом или опустошенном духовном пространстве. Это только испытание, распространившееся по миру из-за общего упадка, вызванного в Америке восстанием 1968 года, после которого он и начался. В частности, о б щ а я в е р а в самоидентификацию общества (выраженная в общей религиозной вере или связанная с населением или территорией, о которой

¹⁶ Джон Чипман Грей *Природа и источники права* [1909] 2-е изд. (Нью-Йорк 1927), 102, цитируется Бенджамин Хоадли, *Проповедь* [О природе Царства или Церкви Христа; проповедь, прочитанная перед королем в ... часовне Сент-Джеймского дворца, 31 марта 1717 года] (Лондон: J. Knappton 1717), с. 12.

идет речь), вместе с общей нравственностью, развитой в нем и им, всегда обеспечивала (и также должна обеспечивать сегодня) необходимый фон для права. Независимо от того, каким оно кажется, право – это не больше, чем символическая власть. Поэтому, хотя право и является конечным фактором любой успешной социальной интеграции и решения конфликтов, оно совсем не всемогуще. Его на самом деле мобилизующая, принуждающая и карательная сила, то есть его главнейшая компетенция, заключается в способности поддерживать порядок путем эффективного разбирательства нарушений, которые происходят по отдельности, но не массово. Оно не выдержит, если столкнется с массовостью, то есть беспорядком, который станет обычным делом и будет иметь место каждый день. Если право не имеет сильной поддержки, то оно рухнет. В конце концов, как говорил Кант, самым фактом своего существования, концептуально, продолжающееся отсутствие возможности предусмотреть в законе меру наказания или невозможность наказания, означает революцию.

- 5) Таким образом, как только поддерживающая сила, стоящая за законом, опустошается, оставшееся является только пустой рамкой закона и ничем больше. То есть то, что могло быть законом, теперь становится беспомощной нормативной оболочкой. А у такого закона, который остается один, не может быть никаких других амбиций, кроме простого применения насилия, т.е. случайной *action gratuite* (бесплатная акция – фр.), пока не падет режим целиком.
- 6) В целом, если говорить о перспективах, которые мы можем предвидеть в настоящее время, наше будущее на самом деле не приведет ни к чему, кроме краха цивилизаций,¹⁷ какофонии непредсказуемости, если только на

¹⁷ Сэмюэль П. Хантингтон *Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка* (Нью-Йорк: Simon & Schuster 1996) 367 сс.

сцене не появится какое-то окончательное решение, на самом деле стоящее гуманизма XXI века,¹⁸ способное изменить судьбу мира.

¹⁸ Но предложения, имеющие место в самокритике эстетов, типа «Страх перед варварами – это как раз то, что может сделать нас варварами» – Цветан Тодоров *Страх перед варварами*. За пределами краха цивилизаций (Кембридж: Polity Press 2010) vii + 233 сс. – кажутся «риторическими», тем более что лежащая в основе проблема касается «нравственного ответа Запада на исламский терроризм» (Майкл Кинг в журнале *The Times Higher Education*, 11 ноября 2010 года).